

Ее янтарные глаза сияли золотом, Клементина немедленно положила руку на рану Филимины. Из этой руки начал исходить слабый серебристый луч света. Это замедлило силу кровотечения, хотя и незначительно. Не в силах ничего сделать, Агедилус просто наблюдал за этим.

То, что Клементина наложила на Филимину, являлось разновидностью магии света, классифицируемой как магия исцеления. Она не так эффективна, как магия духа из кристаллов, но если пострадавшая сторона подвержена воздействию демонов, магия света, безусловно, должна быть самой эффективной. Анализируя это так спокойно, что это было странно, Агедилус почувствовал что-то в себе.

«То, что... ты ... должен делать».

Он мысленно обдумывал слова Клементины, снова глядя на человека в своих объятиях. При виде цвета лица Филимины, гораздо худшего, чем раньше, он совершенно не находит слов. Эти сияющие золотом глаза смотрели на Агедилуса, и Клементина заявила:

- Ты должен помочь, быстро! Или ты хочешь, чтобы мой любимый друг ускользнул от меня?!

- ...Черта с два я бы это допустил!

Ее обычно спокойный голос звучал резко, и Агедилус рефлекторно крикнул ей в ответ. Затем, наконец, "что он должен сделать" доходит до него с глухим стуком.

«Ах, да. Все верно».

Он уже не тот человек, каким был в тот день, когда был молод, когда все, что он мог сделать, это безрассудно действовать со своей магией. Ибо кто был тот, кто с тех пор усердно посвятил себя изучению магии? Все это... все имело только одну цель: защитить Филимину, которая теперь была в его объятиях.

Он хотел защитить ее от всего, просто потому, что она была единственной, кто не позволял покорно защищать себя, просто потому, что это она сказала, что хочет стоять рядом с ним. Он переоценил себя, думая, что стал способен защитить ее.

Теперь Агедилус слишком поздно понял, что вел себя как идиот. Как он вообще может ее защитить? Далекий от того, чтобы защитить ее, он даже не заметил, что она проклята, и вдобавок ко всему, она защитила его в последний момент; он подверг ее жизнь опасности, близкой к смерти.

Его глаза цвета восходящего солнца смотрели в эти янтарные глаза, которые казались золотыми, пристально глядя в них, а также посмотрел в эти красновато-карие глаза, которые тоже смотрели на него. В его голове пронеслись слова, которые Филимина однажды радостно

сказала ему:

«У тебя наконец-то появились друзья».

Тогда он ответил:

«Не такие уж они и друзья».

Но теперь у него не было другого выбора, кроме как принять это. Смириться с тем, что теперь его мир не ограничивался только Филиминой и его приемным отцом. Принять, что он уже получил новый мир.

- Идиоты.

Возможно, это было к лучшему, что те слова, которые он бормотал, никто не услышал. Он действительно думал, что они идиоты, впадающие в такое отчаяние ради него. Но Агедилус, наконец, понял, что тот, кто еще больший идиот, - это не кто иной, как он сам.

"Ты действительно такой тупой".

Агедилусу показалось, что Филимина говорит ему это.

Неистовая магия вернулась к Агедилусу. Бушующий шторм прекратился, и все, что осталось после этого на разрушенной лужайке, - это Альхельм, сидящий и вздыхающий с облегчением, Селвс, который, наконец, был полностью свободен, дико дыша на земле, а затем Клементина, которая тратила всю свою энергию на лечение Филимины.

Клементина пыталась вылечить Филимину, на ее лбу выступал пот; Агедилус положил свою руку на руку Клементины. Она подняла голову и посмотрела на него, но сразу же снова вернулась к исцелению, увидев выражение его лица. Агедилус тоже очистил свою магическую силу и начал выпускать ее из рук.

Ему не нужно было никакого долгого, утомительного пения. Он устанавливал всю теорию магии внутри себя, применяя исцеляющую магию без пения. По сути, при использовании магии исцеления лучше всего использовать силу духа воды через магию духа, а не магию света Клементины или магию Агедилуса из его собственной магической силы. Но эта теория была неприменима к Филимине. Шрамы, которые она носила с того дня, когда они были детьми, от высшего духа огня, отвергали исцеление от кристаллов. Возможно, это было применимо для небольших повседневных травм, но сейчас это была огромная трудность для Филимины с ее серьезной раной.

Но это была не единственная проблема.

- Альхельм! Заставь Ронена сказать, как снять проклятие! Не имеет значения, как ты вытянешь это из него!

Проклятие, наложенное на Филимину, использовало ее сны в качестве посредника. Даже если ее физическая рана заживет, проснется она или нет, зависит от того, будет ли проклятие снято.

Агедилус крикнул это, накладывая исцеляющую магию на Филимину. Селвс все еще лежал на земле; у него не было сил сопротивляться, его плечи вздымались от дыхания. Альхельм моргнул от слов Агедилуса, снова связав Селвса блокирующей магией веревкой, которую рыцари всегда держали наготове. Альхельм выглядел так, как будто хотел сказать "почему сейчас?" Но не задавая дальнейших вопросов, приподнял верхнюю часть тела Селвса.

-Ну, ты его слышал. Хотя я буду очень благодарен, если ты выплюнешь это прямо сейчас.

Селвс молчал, ничего не делая, только тяжело дыша. Альхельм широко улыбался ему, так же, как раньше улыбался Агедилусу.

- Кроме того, Филимина тоже моя приятельница. Если она вот-вот умрет на мою беду, твоя кончина не будет легкой.

Эти красно-карие глаза выглядели так, будто они просто улыбались, но в них была удивительная жестокость, пронизывающая лазурные глаза Селвса. Дико дыша, Селвс сглотнул, затем, наконец, что-то пробормотал, разрывая воздух своими словами.

-Не могу.

- Хм?

Альхельм нахмурил брови, услышав очень тихие, произнесенные шепотом слова. Селвс не сводил глаз с земли, он не смел смотреть на Агедилуса, который был занят заклинанием исцеляющей магии, и на Филимину, которую тот держал на руках. При этом он говорил так, словно стонал:

- Я сказал, я не могу.....!

- Перестань валять дурака!

Агедилус услышал слова Селвса своими острыми ушами, поднял голову от Филимины и посмотрел на него своими глазами цвета восхода солнца. На его красивом лице читалось нескрываемое нетерпение.

- Ты тот ублюдок, который наложил проклятие на Филимину, верно?! Черт возьми, есть проклятие, которое заклинатель не может разрушить!

Не заботясь о том, что думают другие, Агедилус кричал во весь голос. В ответ Селвс криво улыбнулся. Он подавил гортанный смех, вскоре громко рассмеявшись. Этот смех, содержащий в себе очевидную остроту, сотрясал атмосферу разрушенного сада. С пустым светом в них эти лазурные глаза смотрели на Агедилуса.

- Ха-ха... Ха-ха-ха! Да, это верно, даже если я тот, кто наложил проклятие! Лансент, после того случая в Академии Магии я знал, что, чтобы причинить тебе боль, было бы эффективнее проклясть твою возлюбленную, чем проклинать тебя самого!

Затем Селвс начинает говорить. О проклятии, наложенном на Филимину. Он говорил, что, как они и ожидали, он использовал ее сны в качестве посредника. Что заклинатель, сам Селвс, обменял свою магическую силу на силу демона, с которым заключил контракт, чтобы наложить проклятие. Что проклятие использовало "имя" Филимины в качестве отправной точки, используя ее "душу" в качестве семенного ложа.

Что чем больше он ухаживал за «семенем», тем больше оно росло, высасывая ее дух и энергию из ее души, что оно заманивает Филимину в мир снов. Что все, что сделал Селвс, - это наложил проклятие на имя "Фильмина фон Лансент", вот и все. Что это проклятие будет продолжаться, даже если оно будет отделено от заклинателя. Точно так же, как цветок, который вырастет сам по себе, как только его семя будет посеяно.

- Я знал, что ты сразу заметишь обычное проклятие. Вот почему я применил это, особое проклятие, которое даже ты не заметил бы! Проклятие уже вырвано из моих рук. Как только оно будет завершено, твоя "Филимина" больше никогда не проснется. Ха-ха-ха, ха-ха-ха! А я буду наблюдать за твоими страданиями!

Селвс продолжал прерывисто смеяться, его волосы были растрепаны. И Клементина, и Альхельм потеряли дар речи от того, каким безумным он выглядел.

- ...Зачем... ты зашел так далеко?

Агедилус бессознательно пробормотал это, не останавливая свою руку, когда она творила исцеляющую магию.

Единственный раз, когда Агедилус и Селвс общались, произошел в Академии Магии. Тогда он провел меньше года в академии. Он мог сказать, что Селвс не думал о нем хорошо, так как он продолжал быть лучшим из лучших. Но так думал не только Селвс. По сравнению с людьми, которые были бессмысленно грубы и ревнивы к нему, украв это письмо, Селвс был намного лучше. Потому что независимо от того, как Селвс думал об Агедилусе внутри, по крайней мере, он был равнодушен снаружи.

Теперь, когда дело дошло до этого... почему Селвс сделал все это? Найдя это непонятным, Агедилус посмотрел на Селвеса и увидел, как его лазурные глаза дрожали от сомнения. Но это было только секунду, прежде чем выражение его лица изменится на насмешливое.

- Почему, спросишь ты? Это уже решено. Почему все достается только тебе? Магическая сила, талант, слава, почти все! Главный волшебник королевского дворца? Герой, спасший мир? Ты хочешь сказать, что можешь получить все это только потому, что ты черноволосый?!

- Почему, почему, почему это только ты?

Слова Селвса переплетались завистью и ревностью, а затем и ненавистью.

Агедилус не мог не думать, что было невероятно смешно говорить, что он может "получить все". Эта его жизнь... где он был запечатан сразу же после рождения, жестоко проклинаемый словами, такими как «монстр» или «демон». Причина всего этого в том, что он, как сказал Селвс, - «черноволосый» - а именно, его черные как смоль волосы, не так ли? Это, конечно, не единственная причина, но он даже не сомневается, что именно по этой причине его презирали другие люди.

Но подумать только, что, несмотря на все это, здесь был кто-то, кто завидовал тому, что он черноволосый.

"Это довольно эгоцентрично", - внутренне сказал Агедилус.

Независимо от того, понимал он мысли Агедилуса или нет, лазурные глаза Селвса выглядели так, будто он вот-вот заплачет.

- Почему? - его губы дрожали. - И все же, почему? Почему даже моя "Сюзетта" должна была быть твоей "Филиминой"...!

Его голос звучал так, словно он сплевывал кровь. Этот голос выражал все, что он думал о Филимине... или 'Сюзетте' для него. Легкая жалость появилась в глазах Альхельма, когда он удерживал Селвса, но, несмотря на это, он безжалостно ударил его рукой, как мечом, по затылку. На первый взгляд это выглядело как легкий хлопок, "глухой удар", но Селвс упал в обморок прямо там, не в силах ничего сделать.

- Для начала заткнись на время. Разве это не лучше, принцесса, Агедилус?

- Да. Мы тщательно определим его наказание позже.

- Совершенно верно. Не похоже, что он будет полезен сейчас, и я действительно не хочу больше слышать, как он просто балаболит. Сейчас не самая подходящая ситуация для этого.

Даже не колеблясь, Альхельм спросил их согласия после того, как вырубил Селвса, перевернув его на землю. Агедилус и Клементина даже не обращали на это особого внимания.

Кровотечение Филимины значительно уменьшилось по сравнению с тем, каким оно было вначале, но оно все еще не полностью остановилось. Агедилус стиснул зубы:

- Может быть, лучше всего перевести ее во Двор Белой Лилии, где собираются медицинские офицеры, - тогда он вдруг почувствовал на себе пристальный взгляд. Он оглянулся и увидел, что Клементина смотрит на него, ее глаза сияли золотом. Их взгляды столкнулись с резким щелчком; слова принцессы веяли холодом.

- Но, Агедилус, я возьму на себя смелость сказать именно это. Я не думаю, что ты в том положении, чтобы что-то говорить. Я все еще очень зла на тебя.

- ...Я знаю.

Агедилус не мог отрицать ее слов. Он поклялся защищать ее от всех, и вот как все обернулось. Как бы его ни обвиняли, тут ничего не поделаешь. Или, скорее, ему было гораздо удобнее, когда его обвиняли. Было бы гораздо больнее, если бы его не обвиняли.

Изменив всю свою магическую силу на целительную, Агедилус посмотрел на лицо Филимины. Было мучительно смотреть на ее лицо, которое потеряло цвет. Что он за главный волшебник? Что он за спаситель мира? Какая польза от всех этих титулов, дарованных ему, когда он не смог защитить, не смог спасти самого важного для себя человека?

«Проснись, умоляю тебя. Позови меня «Эди» своим нежным голосом».

Неспособный сделать что-либо, кроме как молиться об этом и использовать исцеляющую магию, Агедилус не мог простить свою беспомощность.

- Филимина.....!

Сжимая ее тонкую руку, которая вот-вот потеряет свое тепло, Агедилус искренне выкрикнул имя своей возлюбленной.

<http://tl.rulate.ru/book/36219/1432440>